

Дина Хапаева

Темный век Путина: неомедиевализм и ресталинизация в России

(Перевод с английского *Putin's Dark Ages: Political Neomedievalism and Re-Stalinization in Russia*. London: Routledge, 2023)*

Предисловие

Польско-украинские силы были буквально раздавлены, к тому же перед русскими войсками была поставлена задача уничтожить максимальное количество живой силы, зданий и сооружений. В результате к 5 октября – это дата окончания русско-польско-украинской войны – было убито более 600 000 человек, из них более двух третей – гражданское население, потери же русских составили не более 11000. Такие древние города как Варшава и Краков, и многие другие были сильно разрушены, а Львов буквально стерт с лица земли, причем, судя по всему, вполне сознательно.

Так завершилась реконструкция Российской Империи в романе «Третья Империя: Россия, которая должна быть» (2006). Его автор, Михаил Юрьев (1959 - 2019), бывший вице-спикер Государственной Думы Российской Федерации и успешный предприниматель, был членом политсовета Международного Евразийского Движения. Утопия Юрьева, получившая широкое признание российских крайне правых, представляет собой один из многих текстов, предлагавших политическую повестку дня Путину. Зверства, творимые в Украине – разрушение городов, убийства мирных жителей, разорение соседней страны – все это делает «Третью Империю» провозвестником российской военной стратегии. Роман метко названный «настойной книгой Кремля» с поразительной точностью предсказывает будущую политику России: войну с Грузией (2008), аннексию Крыма (2014), вторжение в Донецк и Луганск (2014) и войну против Украины (2022).

Высказывания ярых сторонников войны, таких как бывший президент РФ Дмитрий Медведев, недвусмысленно заявивший, что Польша «не должна существовать для нас, пока [там] у власти нет никого, кроме русофобов» и что Украина «может исчезнуть с политической карты мира», точно соответствуют миропониманию Юрьева. Как другие крайне правые публикации, роман Юрьева фантазирует на тему завоевания Россией Европы и США (Украина и Польша, по их мнению, всего лишь побочные цели). Но основное внимание таких текстов сосредоточено на будущем социальном устройстве и государственном управлении Россией. Возврат Средневековья, с сословной монархией и религиозным фундаментализмом, важнейший пункт утопии Юрьева, с энтузиазмом обсуждается российскими ультра-правыми. Юрьев описывает Россию своей мечты как самодержавную империю, сословное общество, управляемое «опричниками», скопированными с опричнины Ивана Грозного:

Если бы сейчас, в 2053 году, имеющуюся Конституцию России вынести на референдум с участием всех граждан, то ее не поддержала бы и четверть. Но в том то и дело, что никто, кроме опричников не может участвовать в референдумах. [...] Так что я считаю российскую политическую систему, построенную на сословности, абсолютно стабильной в обозримой перспективе. [...] Будут, конечно, кризисы и даже восстания – они, собственно, уже имели место [...] – но опричники любые бунты утопят в крови, причем с удовольствием, потому что для них [...] это будет

поединок с дьяволом. Я не могу представить, кто и что может поколебать, а тем более смести опричную власть – к слову, вопреки тому, что у нас думают, вовсе не кровавую и вообще не репрессивную.

В отличие от агрессивной внешней политики Кремля, милитаристского культа Второй Мировой Войны, ксенофобского и нетерпимого к гендерным проблемам дискурса, планы ультраправых вернуть Россию в средневековье до сих пор не привлекли должного внимания исследователей. Однако они являются существенными для понимания путинизма.

В этой книге я показываю, что до начала «специальной операции» против Украины Кремль успешно провел другую специальную операцию над исторической памятью россиян, перестроив их осознание себя и своей истории. Многоплановая манипуляция историей, осуществляемая с 2000 года, включает важный компонент – политический неомедиевализм. Это - политика памяти, использующая средневековые аллюзии в антидемократических целях. Прославляя российское средневековое прошлое подобно тому, как преклонялись перед германским Средневековьем нацисты и их предшественники, Кремль стремится убедить россиян в том, что теократическая монархия, крайнее социальное неравенство и государственный террор являются законными предметами их национальной гордости и традиционным для России способом управления государством, а возрождение империи – легитимная цель России. Эта массированная политика насаждается через государственные и общественные инициативы, законы, памятники, мемориалы, музеи, политические памфлеты, исторические работы, сочинения религиозных и сектантских активистов, через кино и художественную литературу.

Политический неомедиевализм неотделим от другого тренда путинской политики памяти - ресталинизации. За «робкой ресталинизацией» 1960-х и 1970-х годов советской эпохи последовала радикальная десталинизация времени правления Михаила Горбачева и Бориса Ельцина в поздние 1980-е и 1990-е годы. При Путине ресталинизация стала полноправной частью политики памяти. Два примера государственного террора в русской истории – опричнина Ивана Грозного и сталинские репрессии – занимают такое же центральное место в моей книге, как и в постсоветском публичном дискурсе.

Задачей моего исследования было документировать развитие официальной неомедиевальной политики памяти, потому что обычно ее проявления считаются случайными, не связанными между собой событиями. Впервые предлагая систематическое сравнение постсоветского неомедиевализма с ресталинизацией периода 2000–2023 гг., я показываю, что эти тренды пропагандируют схожие ценности и идеи. Они способствовали милитаризации российского общественного мнения, консолидации общества в поддержке оккупации Крыма. Они помогли изобразить вторжение в Украину как часть извечной борьбы с агрессивным Западом – от средних веков до наших дней.

Я исхожу из идеи, что понимание российской истории, памяти и культуры невозможно вне глобального контекста, не в последнюю очередь из-за значимости Запада для национальной идентичности России. Суть «русскости», ее подлинная уникальность состоит исключительно и только в поразительной заикленности России

на Западе во все периоды ее истории, будь то его идеализация или ненависть к нему. Это и составляет основу русского чувства нации.

Конечно, политический неомедиевализм не представляет собой сугубо постсоветский феномен. Хотя США далеко отстают от России в пропаганде неомедиевализма и она вовсе не является частью государственной политики, его подъем при Дональде Трампе, от ультраправых маршей в Шарлотсвилле до штурма Капитолия, где символика неомедиевализма проявилась с особой очевидностью, стал новой американской реальностью. Кракен, гигантское морское чудовище древнего скандинавского фольклора, было использовано для продвижения фейка об «украденных выборах». Теория заговора Кьюанона, утверждающая, что Трамп борется против сатанистов, остается распространенной среди его сторонников. Трамп и его сподвижники, описывая свои действия, нередко прибегают к средневековым аллюзиям. Например, ему, похоже, импонировало, что проект стены на границе называли «средневековым». В том же духе бывший стратег Белого Дома Стив Бэннон заявлял, что «я в общем-то хотел бы вернуться во времена Тюдоровской Англии, я бы понасаживал бы головы на копыя...» (Проповедь террора свойственна поклонникам неомедиевализма независимо от их географического местонахождения). Подражая Трампу, Бэннон положительно отзывался о Путине и об Александре Дугине, основателе Евразийского Движения, скандально известного своими неонацистскими взглядами и призывами поработить Украину. В то же время критики Трампа, как и оппоненты Путина, часто осыпают их нелестными средневековыми эпитетами.

Поскольку Путин воспринимает демократию как угрозу своей власти, прокремлевские комментаторы с восторгом описывали события на Капитолии 6 января 2020 года как разгул средневекового хаоса. Одна газета озаглавила свой опус так: «На штурм Капитолия шли шаманы и викинги», в то время как другая, воспользовавшись самокритикой Запада, процитировала заявление Джилл Догерти, журналистки CNN, о том, что Соединенные Штаты никогда больше не смогут больше претендовать на то, чтобы считаться образцом демократии.

Глобальная мода на «все средневековое» часто ошибочно воспринимается как чисто эстетическое явление. Однако постсоветский контекст делает очевидным антидемократический потенциал неомедиевализма. Анализ путинизма помогает обнаружить родственные факторы, которые могут привести к сходным политическим последствиям даже в странах с более сильной демократической традицией, чем Россия. Как предупреждает Энн Эппельбаум, «при благоприятных условиях любое общество может отвернуться от демократии».

Мое исследование позволяет выделить два фактора, лежащих в основе популярности неомедиевализма в России и на Западе. Первый – это кризис будущего, отсутствие уверенности в том, что будущее окажется лучше настоящего, а также сомнение в социальном прогрессе, порождающие представление о том, что историческое время можно повернуть вспять и повторить историю. Неомедиевальная ментальность, включая ожидание конца света, основана на таком понимании истории. Вторым фактором является антигуманизм – отрицание высшей ценности человеческой жизни и пренебрежительное отношение к человеческому достоинству. Продвигаемый разными политическими, религиозными и философскими учениями в России и на Западе, антигуманизм превратился в ходовой товар поп-культуры. Подъем неомедиевализма в политике памяти и растущая

популярность антигуманизма — таковы проявления глобального кризиса либеральной демократии.

---

* Я признательна пожелавшему остаться анонимным переводчику этого текста.